

А.М. Сунгурский

УБИЙЦА ОСТАЁТСЯ С НАМИ

16+

А.М. Сунгурский

Убийца остается с нами

«Автор»

2026

Сунгурский А.

Убийца остается с нами / А. Сунгурский — «Автор», 2026

Олеся собирается закрыть речную базу и наконец вернуться к мужу. Дочь хозяина приехала забрать свои вещи. Остальные хотят получить расчёт, вернуть долг, закончить разговор, который слишком долго откладывали. Потом подъездную дорогу отрезает вода, а хозяина находят убитым. На базе остаются семеро. Связь ещё работает, помощь уже ищет к ним путь — но ждать в доме становится опасно. Нужно уходить вместе: нести вещи, поддерживать уставшего, поручать друг другу то, от чего зависит жизнь. И каждый раз решать, можно ли довериться человеку рядом. Убийца тоже хочет выбраться. Он помогает. Предлагает решения. На реке Онеге вода продолжает прибывать. А Олеся всё ещё считает, что обязана вывести всех.

Содержание

Глава 1. До следующего лета	5
Глава 2. Чужая половина	10
Глава 3. До поворота	18
Глава 4. Пятый номер	25
Глава 5. Пока делают	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

А.М. Сунгурский

Убийца остается с нами

Глава 1. До следующего лета

Последняя гостя не могла застегнуть чемодан. Она сидела на нём всем своим небольшим весом, а её муж держал за обе половинки молнии и боялся потянуть сильнее. Из щели торчал рукав зелёного свитера.

— Давайте я, — сказала Олеся.

— Порвётся, — предупредил мужчина.

— Тогда будем знать, что больше тянуть не надо.

Гостя засмеялась и поднялась. Олеся опустила перед чемоданом на одно колено, прижала свитер внутрь и провела собачку обратно. Под свитером обнаружилась упаковка копчёной рыбы; она вынула её и положила на диван. Они собирались уезжать ещё вчера, но муж уговорил жену остаться на последнюю рыбалку, а теперь оба хотели домой с такой силой, будто лишняя ночь добавила к отпуску месяц.

— Это в салон возьмёте.

— Там запах будет, — сказал мужчина.

Жена посмотрела на него сверху вниз.

— Володя. Мы везём рыбу.

Олеся закрыла чемодан, подняла его за ручку и выдвинула из-под стола свой: невысокий, тёмно-синий, с потёртым пластиковым углом. Поставила рядом, чтобы перед отъездом гостей не забыть вынести в машину. На чужом чемодане ещё висела багажная наклейка из какого-то аэропорта; на её ручке Неля повязала полоску кухонного полотенца.

Из столовой вышел Борис с двумя бумажными пакетами.

— Это вам от заведения, — сказал он. — Пирог. Один с капустой, второй с чем повезёт.

— С яблоком, — донеслось из кухни.

— Вот видите, уже повезло.

Гостя благодарила, а её муж полез за телефоном: хотел напоследок снять Бориса у стены с большой картой Онеги. Хозяин расстегнул воротник куртки и положил руку на плечо женщины. Она успела поправить волосы, хотя за окнами дождь стёгивал к крыльцу низкие рябиновые ветки и все трое должны были сейчас выйти под него.

— Олеся, стань с нами.

Она уже держала две сумки.

— Я у вас на всех фотографиях сзади что-нибудь несусь.

— Так поставь.

Она поставила, встала рядом, и Борис притянул её за локоть чуть ближе. В телефоне получилась тесная компания довольных людей, у которых впереди был обычный отъезд. Мужчина переснял ещё раз без вспышки.

На улице Тимофей подогнал серый микроавтобус к самым ступеням. Он выбрал место так, чтобы гостя сразу шагнула под открытую дверь, и теперь стоял под водосточной трубой. Вода стекала ему за воротник, но переставлять машину ради себя было поздно. Олеся передала сумки, подождала, пока он забросит их на задний ряд, и сунула в салон чемодан с наклейкой.

— Там на повороте не спеши, — сказала она. — Вчера край промыло.

— Видал.

— Сегодня посмотри ещё раз.

Тимофей поднял на неё мокрое лицо.

— Олесь, я же не первый раз.

— Знаю. Поэтому и говорю тебе, а не им.

Он хотел ответить, но из машины протянули руку за пирогами. На это его хватило сразу: подхватил пакеты, пожелал хорошей дороги, дважды хлопнул плохо закрывшейся дверью. Борис наклонился к окну водителя, сказал что-то про бензин и отошёл. Микроавтобус развернулся у сосны, объехал лужу перед воротами и медленно пошёл вверх.

Олеся провожала его до тех пор, пока красные огни не скрылись за поворотом. Дальше частный подъезд опускался к ручью, пересекал низину и снова поднимался к дороге. В сухую погоду на эти несколько километров почти не обращали внимания. Теперь она всякий раз дожидалась сообщения: выехали.

Борис уже возвращался в дом.

— Мой чемодан, — сказала она ему в спину.

Он обернулся.

— Что твой?

— Я просила убрать его к тебе в машину. С кухни. Ты сказал: сейчас.

— Так я не уезжаю пока.

— А чемодан уже можно убрать.

Он посмотрел на её руки. На одной осталась красная полоса от тяжёлой сумки, другой она держала мокрую перчатку, которую подобрала на ступеньке.

— Опять торопишься жить, Воронцова.

— Нет. Только уехать.

Борис усмехнулся, вернулся за чемоданом и понёс его через дождь к своему внедорожнику. Она пошла следом, открыла заднюю дверь, убрала с сиденья свёрнутый плед. За лето в этой машине накопилось столько вещей, что для её багажа сначала пришлось переставить ящик с новыми дверными ручками.

— Завтра к обеду закончим, — сказал Борис. — И свободна. Я тебе обещал.

— Ты обещал сегодня.

— Сегодня мы последнюю машину отправили. Это уже половина счастья.

Он захлопнул дверь и нажал кнопку на ключе. Машина ответила коротким сигналом; Олеся вздрогнула от его громкости в пустом дворе.

— Надя когда? — спросила она.

— Скоро. В Онеге уже была.

— Одна?

— А я почём знаю? С ней теперь сначала надо договор заключить, потом спрашивать.

Он сказал это легко, с привычной готовностью посмеяться над дочерью, но сразу достал телефон и посмотрел, не пришло ли сообщение. Олеся заметила и отвела глаза. Все они умели ждать кого-нибудь, делая вид, что им просто понадобились часы.

В кухне Неля упаковывала остатки выпечки. Один пирог остывал прямо в форме, прикрытый чистой наволочкой. Олеся подняла край.

— Этот не отдавай.

— А я кому пеку? Тебе же. В дорогу.

— В дорогу завтра.

Неля остановила нож над разделочной доской.

— Ну конечно.

— Он ручки привёз. Надо принять. И Надя приедет.

— Пусть Надя принимает ручки. Она грамотная.

Олеся вымыла руки, растёрла ладони полотенцем. За лето кожа между пальцами стала шершавой; она собиралась купить крем ещё в августе и всякий раз вспоминала о нём после того, как машина уже возвращалась на базу.

— Я сама согласилась, Нель.

— Я разве спорю? Ты сама согласилась. Он сам предложил. У всех всё само.

Неля отрезала край пирога и подвинула ей на маленькой тарелке. Олеся хотела взять вилку, но вместо этого съела горячий ломоть руками, стоя у мойки. Капуста пахла перцем. В пустой столовой Борис передвигал стулья; ножки скрипели по половицам с длинными паузами, словно он каждый раз забывал, для чего начал.

Телефон завибрировал в кармане. Олеся увидела имя мужа и вышла в кладовую, где за мешками с чистым бельём ещё оставалось место для одного человека.

— Ты уже в машине? — спросил Антон.

Она прижала телефон к уху. Из кухни сюда проникало всё, только говорить было легче, не глядя на Нелю.

— Завтра.

Муж помолчал.

— А я сейчас рыбу купил.

— Мы тут её столько видели, что лучше бы ты курицу.

— Ты говорила, маленькую. Чтобы целиком в духовку.

Она помнила: сказала это два дня назад, между заказом белья и разговором о вывозе мусора. Он тогда спросил, чего ей приготовить, а она долго выбирала, не потому что хотела именно эту рыбу, а потому что он ждал ответа.

— Убери в морозилку, — сказала она и сразу пожалела.

Антон не обиделся вслух. Рассказал, что починил дома дверцу кухонного шкафчика и нашёл под ней её серьгу. Маленькую, без камня. Она потеряла её ещё весной, когда собиралась сюда на несколько недель, и потом они ссорились по телефону из-за вещей гораздо крупнее серьги. Весенние недели дошли до октября. В сентябре муж один съездил к своей сестре и впервые не прислал ни одной фотографии.

— Завтра точно? — спросил он.

Олеся посмотрела на сложенные полотенца. Верхняя стопка была чуть ниже остальных: утром она взяла оттуда два для гостей. Надо было дописать в ведомость. Мысль возникла сама, совершенно не к месту.

— Я тебе позвоню до обеда, — сказала она.

— Я не про звонок.

— Понимаю.

Он тихо выдохнул в трубку. Она слышала за ним знакомое гудение холодильника и захотела оказаться там с такой внезапной силой, что прислонилась лбом к прохладной полке.

— Олесь, я могу за тобой приехать.

— Здесь машина есть.

— Я знаю, что машина есть.

Они замолчали. Из кухни Неля позвала Бориса по имени и тут же добавила, уже громче, отчество. Муж услышал.

— Иди, — сказал он. — Тебя там ждут.

— Антон.

— Я рыбу в холодильнике оставляю. До завтра ничего с ней не случится.

После звонка Олеся ещё немного постояла в кладовой. Начала пересчитывать полотенца, сбился и открыла запись в телефоне. Два выданных утром уже стояли в ведомости.

Тимофей прислал голосовое. Она включила его на кухне.

«Выехали. У трубы вода поднялась, но по дороге не идёт. Я обратно ещё посмотрю. Тут эти говорят, очки оставили, в синем домике, на окне. Гляньте, пожалуйста».

Неля посмотрела на часы.

— Пока заберёт, пока очки... Он хоть обедать успеет?

— Оставь ему.

— Да я уже оставила.

Олеся надела куртку, а Борис, который только что добился от Нели ещё одного куса пирога, пошёл с ней до крыльца. На улице было светлее, чем казалось из дома. Дождь превратился в мелкую водяную пыль; за ней противоположный берег не исчез, только отступил, потеряв отдельные деревья. Онега несла воду ровным широким ходом. Вдоль самого берега крутились ветки и грязная пена.

— Может, остальные машины сегодня выпустить? — спросила Олеся. — Кто не нужен.

— Какие остальные? Петя утром уехал. Девчонок вчера отвезли.

— Вот и нас можно.

— Ты с Надькой хочешь разминуться?

— Борь, я хочу домой. Это другое.

Он поскрёб небритую щёку. Седина у него появилась неровно, белым островком справа, и делала лицо мягче, чем его голос в неприятном разговоре.

— Если Тимка скажет, что льёт через дорогу, поедem. Чего ты заранее себя накручиваешь?

— Я заранее спрашиваю, кто отсюда поедет.

Борис покосился на неё, но спорить не стал.

— Фотограф приедет. Ева. На одну ночь. Ей ещё домики снять, пока пустые. Витя за лодкой собирался, только он давно собирается. Малыгин позвонил утром, хочет своё забрать. Вот и все.

— Ты мне когда хотел сказать?

— Сейчас и сказал.

Олеся смотрела на него, пока он не вынул изо рта зубочистку.

— Их кормить, размещать, потом возить. Ты сказал: последний заезд ушёл.

— Это не заезд. Свои люди.

— Свои люди тоже едят.

— С Нелей я сам поговорю.

Он уверенно направился обратно в кухню. Олеся спустилась с крыльца и пошла к синему домику. После этой уверенности Неля обычно выходила с дополнительной работой, а Борис — с ощущением, что всем стало проще. Олеся могла бы сейчас вернуться и при нём сказать, что ночевать согласилась только до завтра. Вместо этого достала связку ключей и стала искать синий колпачок.

В домике пахло мокрыми носками, древесиной и чужими духами. Очки лежали на подоконнике за шторой, сложенные так аккуратно, что забыть их казалось труднее, чем унести. Олеся завернула их в бумажную салфетку, положила во внутренний карман. Открыла окно на щёлку и огляделась, не осталось ли ещё чего-нибудь.

На спинке стула висела маленькая детская куртка. Она взяла её и только тогда вспомнила, что мальчик из соседнего домика приходил сюда вчера с бабушкой играть в карты. Куртка была сухая, тёплая, с оторванной петелькой. Положив её на стол, Олеся написала матери ребёнка и получила почти сразу три благодарных сообщения. Они ещё не доехали до Архангельска, забирать сейчас не вернутся, можно ли отправить посылкой?

«Завтра», — набрала Олеся. Стерла. Написала: «Отправлю, адрес пришли».

С улицы донёсся звук мотора. Олеся вышла на веранду и увидела белую машину, остановившуюся у главного дома. Из неё сначала появился длинный чёрный зонт, потом Надя — в короткой куртке, с неприкрытыми лодыжками над тяжёлыми ботинками. Она попыталась раскрыть зонт, ветер вывернул его, и Надя сердито засмеялась. Борис выбежал с крыльца без головного убора.

Отец и дочь обнялись возле машины. Он сказал что-то, потянулся поцеловать её ещё раз, но она уже отступила, прижимая к боку длинный картонный тубус. Борис попробовал забрать, Надя не отдала. С этого расстояния Олеся слышала только отдельные слова.

— ...всё равно мокрый!

— Так я же держу...

Потом оба повернулись к ней. Надя помахала свободной рукой.

— Олеся!

Она дошла до машины с детской курткой на стиге локтя. Надя посмотрела на неё и улыбнулась уже иначе, без той старательной бодрости, с которой вышла к отцу.

— Вы совсем не меняетесь.

— Я меняюсь, пока ты не приезжаешь. Потом обратно собираюсь.

Надя наклонилась и обняла её одной рукой, осторожно, чтобы не прижать мокрый зонт.

— Это ваше? — спросила она, показывая на куртку.

— Забыли.

— Как всегда.

Она посмотрела на дом, на ряд пустых веранд, на вывеску с выцветшим рисунком лодки. Олеся помнила её здесь пятнадцатилетней: Надя тогда всё лето ходила с карандашом за ухом и нарисовала этот знак на куске фанеры. Борис заказал по рисунку новую вывеску, но художнице не сказал. Она увидела её только на фотографии гостей и перестала рисовать для базы что бы то ни было.

Теперь Надя прижимала тубус к груди.

— Ну что, — сказал Борис. — Сначала есть или сначала ругаться?

— Где лодка?

Он не сразу ответил.

— Какая?

— Пап.

Олеся увидела, как с лица Нади исчезла улыбка. Борис провёл ладонью по мокрой голове, стряхнул воду и повернулся к дому.

— Там Неля пирог сделала.

Надя осталась возле машины. Зонт дрожал у неё в руке, упираясь концом в грязь.

— Ты обещал дожждаться меня.

Олеся хотела сказать, что сейчас лучше зайти и обсохнуть. Уже набрала воздух, собираясь произнести знакомую, годами проверенную фразу, за которой любой неудобный разговор откладывался до чая. Но Надя смотрела на отца, и он всё ещё стоял к ней спиной.

Она прошла между ними, унесла детскую куртку в дом и закрыла за собой дверь.

Глава 2. Чужая половина

Отец подождал, пока за Олесей закроется дверь, и вернулся к машине. Надя знала это выражение: сейчас он скажет что-нибудь вполголоса, чтобы они снова оказались на одной стороне, а неприятность осталась где-то снаружи.

— Пойдём сначала поедим, — сказал он. — Ты же с дороги.

— Кому ты её продал?

— Да не продал я. Отдал.

— Кому?

Он подёргал ручку задней дверцы, которая осталась закрытой. Надя нажала на ключ. Отец вынул её сумку и поставил под навес, рядом с пустыми ящиками из-под воды.

— Человеку. Здесь, недалеко. У него мальчишки растут.

— А я уже выросла.

— Ты на ней когда последний раз ходила?

Надя посмотрела за его плечо. Дорожка к воде была видна до лодочного навеса; дальше серели мокрые доски и торчали два пустых полоза, на которых они с матерью раньше оставляли свою рыжую лодку. Весной Надя приезжала всего на день, ходить по реке тогда ещё не собирались. Она попросила отца ничего не трогать до осени. Он пообещал, не отрываясь от телефона, и она специально заставила его повторить.

— Ты сказал, дождёшься меня.

— Она течёт. У меня навес не резиновый.

— Ты мог позвонить.

— Мог. Прости. Всё, позвонил.

Отец развёл руки. В одной был её рюкзак, который он только что достал из машины, и жест получился неловким: тяжёлая лямка соскользнула на пальцы. Надя хотела забрать, но он передал ей только зонт.

— Домой её везти собиралась? В квартиру?

— Я собиралась сама решить, куда её везти.

— Вот тебе надо обязательно так сказать, да?

Она устала ещё до того, как успела войти. Несколько часов дороги, сырой воротник, отец, который обещал показать будущему покупателю базу без личных вещей, и всё-таки она привезла свои листы — как в школе, когда можно было получить пятёрку, прийти домой и предъявить её человеку, от которого хотелось услышать самое простое.

Надя поправила тубус под мышкой.

— Дай номер того, кому отдал.

— Он не в городе. Когда ещё состыкуетесь.

— Дай номер. Я сама.

Отец вынул телефон. Несколько секунд листал контакты, недовольно шурясь под дождём, затем отправил ей карточку.

— Он мне за неё ничего не должен, — сказал он. — Я сразу говорю. Чтоб ты там не начала.

— Не начну.

— Нормальный человек.

— Я уже поняла, что все нормальные.

Он поднял голову, будто собирался ответить резко, но за его спиной хлопнула кухонная форточка. Неля что-то крикнула про мокрую обувь. Отец подхватил сумку и пошёл к дому, оставив Наде рюкзак.

На крыльце она остановилась, написала незнакомому мужчине и убрала телефон. Пока отец возился с дверью, на телефоне высветилось уведомление о завершённом маршруте. На экране предлагалось оценить дорогу. Надя смахнула его, не читая.

В столовой пахло выпечкой и вымытым полом. Стулья стояли на столах; свободным оставался только стол в углу, где Неля расставила четыре тарелки. Отец сразу сел на своё место лицом к окну. Надя убрала тубус на широкий подоконник; Неля молча отодвинула его от открытой форточки.

— Давно тебя не было.

— Весной приезжала.

— Весной я в больнице лежала.

Надя посмотрела на отца. Он уже ломал хлеб.

— Ты мне не говорил.

— Всё нормально, — сказала Неля. — Теперь нормально. Ешь.

Она не стала ни объяснять болезнь, ни помогать Борису отвечать. Поставила перед Надей суп и вернулась к плите. Отец попросил сметану, получил банку и подвинул дочери, как будто именно за ней пришлось вставать Неле.

Надя взяла ложку. Ей вдруг стало очень стыдно, что она приехала спорить о лодке и даже не знала про больницу. От этого стыда отец мог получить ещё один удобный вечер, когда все неприятные вопросы откладывались. Она уже знала, как легко это происходит.

— Какой врач? — спросила она Нелю.

— Надя, я не собираюсь тебя за супом пугать. Поела бы сначала.

— Я потом спрошу.

— Потом расскажу.

Отец посмотрел на них обеих и усмехнулся.

— Договорились без меня.

Неля забрала у него пустую тарелку, хотя он ещё хотел собрать хлебом остатки.

После обеда Надя поднялась в свою прежнюю комнату. Комната оказалась гостевой: одинаковые светлые покрывала, маленький холодильник, папка с правилами проживания на тумбе. Из прежней мебели сохранилась только криво прикрученная полка над дверью. В пятнадцать лет она сама держала эту полку, пока отец сверлил, и теперь отлично видела, что выше она справа, а не слева, как ей казалось все последующие годы.

В шкафу висели пустые плечики. За батареей лежал короткий карандаш. Надя подняла его двумя пальцами, но тут же рассмеялась: на боку было название гостиницы в Ярославле. Совсем чужой карандаш. Она положила его на стол и отправила матери фотографию комнаты.

Мать ответила не сразу. Потом прислала сердечко и спросила, не замёрзла ли она.

«Нормально. Ты про лодку знала?»

«Боря говорил, кому-то нужна. Я думала, вы договорились».

Надя начала набирать длинное сообщение и стёрла. Мать давно жила отдельно, научилась разговаривать с Борисом коротко и не оставаться для продолжения. Теперь Надя понимала, сколько времени ей понадобилось на это умение, но всё равно сердилась, когда её саму оставляли посередине старого семейного разговора.

Снизу загудел новый мотор. Она выглянула в окно. К крыльцу подъехал тёмный универсал с пустым прицепом. Водитель вышел тяжело, сперва поставив на землю обе ноги, потом помог себе рукой о дверцу. Высокий, широкоплечий, в потёртой куртке, он постоял, разминая поясницу, и крикнул:

— Боря! Выходи, пока я добрый!

Надя невольно улыбнулась. Виктор Рогожин всегда объявлял своё настроение до того, как кто-нибудь успевал ошибиться. Когда она была маленькой, он разрешал ей держаться за

руль стоявшей на берегу лодки, а сам качал её за борт и обещал настоящий шторм. Отец ругался, что ломают подставки, и смеялся вместе с ними.

В больнице Виктор с ней так не разговаривал. Когда Надя в детстве обожгла ладонь, он вошёл в приёмный покой, присел рядом и долго ждал, пока она сама разожмёт пальцы. Она тогда не узнала его без куртки и привычного громкого смеха. Даже потом, уже взрослой, ей бывало странно видеть на нём белый халат.

Теперь Борис появился на крыльце и совсем не смеялся.

— Я же сказал, завтра.

— А я сказал, сегодня. Видишь, приехал. Слова с делом не разошлись.

Виктор увидел Надю в окне и поднял ладонь.

— О! Наша художница. Ты хоть нарисуй, как я отсюда лодку забираю. Будет на что посмотреть на старости.

— Я спущусь, — сказала она.

Пока она переодевалась, отец с Виктором ушли к навесу. Надя нашла в сумке шерстяные носки, надела их под джинсы и с удовольствием затянула ботинки. Тубус она положила на кровать, подальше от окна. Хотела взять телефон, но увидела ответ нового хозяина её лодки и села.

Мужчина прислал длинное голосовое. Он действительно получил лодку даром, вывез на прицепе, уже поменял пару досок, а на выходных собирался промазать днище. Никакого спора ему не хотелось. Если Борис Васильевич что-то напутал, они могут обсудить, только за работу и материалы он попросит вернуть деньги. И приехать сейчас не получится: он в отъезде до вторника.

Надя прослушала сообщение ещё раз. В нём не было ни грубости, ни попытки поживиться. Человек уже работал с вещью, которую отец легко отдал, и ей придётся договариваться с ним, платить, искать перевозку. Она ответила, что во вторник созвонятся, и записала его имя в контакты.

Внизу Олеся сидела за стойкой и разбирала связки ключей. У её локтя лежали очки, завернутые в салфетку, и почтовый пакет, пока пустой.

— Тимофей вернулся? — спросила Надя.

— Да. Сейчас обедает. Очки повезёт, хозяева ждут у поворота на большую дорогу. Потом уже всё.

Олеся положила в пакет детскую куртку, которую держала на крыльце, и задвинула застёжку не до конца. Рядом на листе был переписан адрес.

— Вам помочь?

— Можешь вот эти на кольцо собрать. Только номера не перепутай.

Надя села рядом. Подвески были деревянными, с цифрами, выжженными когда-то её отцом. На пятой он прожёт лишнюю точку, а на восьмой букву вместо цифры: спорил тогда с кем-то по телефону. Она помнила то лето по такой ерунде гораздо лучше, чем по фотографиям.

— Он сказал, вы базу продаёте.

— Он продаёт.

— А вы?

Олеся отложила ручку.

— Я домой еду.

— Насовсем?

— Сначала доеду.

Из кухни вышел Тимофей. Он был моложе, чем Надя ожидала: по имени она почему-то представляла одного из отцовских ровесников. Увидев её за стойкой, остановился и потянул вниз край толстовки.

— Здравствуйте.

— Надя.

— Знаю. То есть я вас видел на фотографии. Там, у катера.

Олеся передала ему очки и попросила написать, когда отдаст.

— Куртку не брать? — спросил он.

— Это другим людям. Посылкой отправим.

Он кивнул, положил очки в нагрудный карман и вышел. Олеся проводила его взглядом до двери.

— А вы что, правда завтра уедете? — спросила Надя.

— Правда.

— Он вас не отпустит.

— Мне сорок два. Отпускать поздно.

Надя протянула ей собранное кольцо.

— Я не про это.

— Я поняла, про что ты.

Олеся убрала ключи в ящик и закрыла его. Надя хотела спросить про болезнь Нели, но решила, что лучше действительно поговорит с ней самой. Положила ладони на край стойки, поднялась и пошла к отцу.

Под навесом пахло бензином и мокрой стружкой. Зелёная моторная лодка стояла на подставках; нос её был накрыт старым брезентом. Виктор тянул его на себя, Борис держал с другого края, и оба делали это так, словно выполняли совместную работу в качестве наказания.

— Привет, дядя Витя.

— Здравствуй, Надюш. Смотри, как подросла наша лодка. Уже третий год ни на один прицеп не помещается.

— Она твоя или общая?

— Вот хороший вопрос.

Отец бросил свой край брезента.

— Витя, при ребёнке давай не надо.

— Ей сколько? Двадцать семь? Мне в её годы ты уже полдома был должен.

Надя подошла к борту. Моторная лодка была гораздо шире её рыжей, с небольшим ветровым стеклом и двумя креслами впереди. На одном лежали старые синие куртки для работы у воды. Она убрала верхнюю, чтобы посмотреть шов обивки, и вернула обратно: снизу всё оказалось в сухой пыли. Такие куртки здесь носили годами, кто какую успеет снять с крючка.

— Ты хоть мотор привёз? — спросил Борис.

— Мне и без мотора отдай. Он отдельно у меня стоит, я тебя с августа прошу.

— Я не отказываю.

— Ты мне её каждую неделю отдаёшь, только она всё у тебя.

Отец нагнулся к прицепному устройству, будто разговор касался его, а не людей. Виктор подождал, затем обошёл лодку и поднял сложенный брезент. Из него высыпались два маленьких деревянных клина.

— Завтра краном погрузим, — сказал Борис. — Сегодня Петя уже уехал.

— Петя тут ни при чём. Подвести прицеп можно, подставки снять можно. Ты не захотел.

— Ты на своей спине её потащишь?

Виктор выпрямился слишком резко и поморщился. Отец это заметил. Надя испугалась, что он сейчас отпустит ещё одну из своих лёгких шуток, но Борис промолчал.

— Давайте завтра, — сказала она. — Сейчас всё равно стемнеет, пока будете возиться.

Виктор посмотрел на неё внимательно.

— Ты к нему или к себе приехала?

— Что?

— Ладно. Неважно.

Он положил брезент на лавку, поднял упавшие клинья и отнёс к стене. Отец что-то сказал про ужин. Виктор не ответил.

Надя вышла из-под навеса первой. Возле нижней мастерской рос куст смородины, давно одичавший, с редкими жёлтыми листьями. Здесь она любила сидеть летом на перевернутом ящике, когда отец работал: можно было не помогать и всё же быть рядом. Теперь у двери стоял ящик с железными скобами, а на крючке висел фонарь с красным ободком. Борис снял его, щёлкнул выключателем и протянул ей.

— Посвети.

Внутри мастерской было темно даже днём. Отец искал ключ в связке, ругнулся, вернулся за другой. Надя держала свет на замке. По красному ободку шла трещина, закреплённая узкой полосой прозрачной ленты. Когда она провела по ней пальцем, лента чуть отстала.

— Не ковыряй, — сказал Борис. — Олесин. Убьёт меня.

— За фонарь?

— Она за порядок.

Он открыл дверь, нашёл на верстаке папку и вынул из неё несколько листов. Надя продолжала стоять у порога, светя ему через плечо. Слева тянулось длинное окно, до половины закрытое снаружи сложенными досками. Справа была ещё одна дверь, узкая, с потемневшей защёлкой; за ней шумел дождь. По этому звуку Надя поняла, что дверь прикрыта неплотно.

— Закрыть? — спросила она.

Отец поднял голову.

— Не трогай. Там стружка, потом вымету. Пройдём с той стороны.

Она положила фонарь на край верстака. Отец отдал ей бумаги.

— У тебя глаза хорошие. Посмотри, что они написали. Про фото вот здесь.

— Кто?

— Покупатель. Им нужно всё отснять, чтобы люди сразу видели. Ева приедет, займётся.

— Ты продаёшь фотографии или базу?

Он потёр лицо ладонью.

— Господи, Надь, просто прочитай.

Она посмотрела на лист. Это было обычное письмо: перечень помещений, просьба снять подъезд, жилой дом, кухню, хозяйственные постройки. Никакой сделки эти три страницы не заключали. Ниже стояла сумма за съёмку, совсем небольшая для такого объёма.

— Здесь два дня работы.

— Она уже была. Часть сняла.

— Летом?

— В августе.

Надя подняла глаза. Отец делал вид, что занят поиском конверта.

— Пап, ты мне только неделю назад про продажу сказал.

— Потому что неделю назад решил.

— А снимал заранее.

— Надо же было посмотреть, как выглядит.

Она сложила листы и вернула ему. Он взял не сразу.

— Что у тебя там в трубе? — спросил отец.

— Работа.

— Мне покажешь?

— Потом.

— Опять потом. Я вот сам спросил.

Она посмотрела на его руки. В детстве они казались ей огромными, способными удержать доску, поднять лодку, снять её саму с дерева. Теперь на одном пальце был чёрный ноготь, другой плохо разгибался. Отец поймал её взгляд и спрятал руку в карман, как подросток.

— Занозу загнал, — сказал он. — Ерунда.

— Я покажу вечером.

Он кивнул и вдруг поправил на ней капюшон, который зацепился за воротник и собрался сбоку. Она позволила. Некоторое время они стояли очень близко, при свете оставленного на верстаке фонаря, и у Нади пропало желание продолжать спор, хотя ни один ответ не стал от этого лучше.

Отец выключил фонарь и повесил снаружи у входа. Затем вернулся за ведром; Надя прошла следом через мастерскую и придержала ему узкую дверь. Пока он высыпал стружку в мешок под навесом, она стояла у стены. Отсюда можно было выйти к самой лестнице главного дома, не проходя мимо лодки. Борис отнёс ведро внутрь и прикрыл за собой боковую дверь. Надя услышала стук защёлки. Минуту спустя он вышел через переднюю, запер её и показал дочери ключ: всё, можно идти.

У крыльца уже стояла ещё одна машина. Женщина в длинном сером плаще доставала с заднего сиденья чёрный футляр. Отец позвал её по имени, и она обернулась с улыбкой, которая исчезла не сразу, когда она увидела Надю.

— Добрый день.

— Дочь моя, — сказал Борис. — Художница. Сейчас тебе расскажет, как правильно снимать.

Надя почувствовала, как лицо стало горячим.

— Не расскажу. Я не фотограф.

Женщина протянула руку.

— Ева.

Рука была холодная. На пальце — тонкий серебряный перстень без камня. Ева держала Надину ладонь секунду дольше, чем требовалось для знакомства, будто хотела что-то добавить и передумала.

— Отец показывал вашу вывеску.

— Она старая.

— Хорошая лодка. Там сразу видно, куда плывёт.

Это было неожиданно точное замечание. В новой вывеске типография развернула лодку носом в другую сторону, чтобы лучше помещалось название, и Надя тогда спорила именно об этом. На старом рисунке ветер шёл с реки, человек возвращался домой. На вывеске получалось наоборот.

— Вы рисунок видели?

— Да. Он у Бориса Васильевича над столом висит.

Надя оглянулась на отца. Тот уже подхватил второй футляр и нёс в дом.

— Там у меня много чего висит, — сказал он, не оборачиваясь.

Ева проводила его взглядом и подняла воротник плаща. Надя вдруг увидела, как она устала: под глазами легли тени, на щеке остался след от ремня сумки, волосы у виска намочили и закрутились. Ей хотелось предложить войти, и одновременно не хотелось ничего предлагать этой женщине.

— Вы на одну ночь? — спросила она.

— Если завтра успею, да.

— Здесь обычно не успевают.

Ева коротко рассмеялась.

— Я заметила.

К ужину приехал Сергей Малыгин. Надя увидела его уже в столовой: он стоял у окна с чашкой в руке и слушал Виктора, который объяснял, почему прицеп нельзя подводить задом к нужному месту. Сергей не перебивал, только один раз спросил про ширину, и Виктор сразу заговорил спокойнее.

Отец представил его без шутки. Они пожали друг другу руки, хотя, судя по тому, как Борис отвёл плечо, это было больше похоже на необходимость, чем на радость встречи.

— Завтра всё заберёшь, — сказал отец. — Я там сложил.

— Я с тобой сначала хотел поговорить.

— Поговорим. Еда стынет.

Сергей поставил чашку. Кольцо на дне оставило на подоконнике мокрый след, и он машинально вытер его рукавом толстовки.

— Я ненадолго.

— Да хоть надолго. Места хватает.

Отец произнёс это громко, на всю столовую. Неля выглянула из кухни и спросила, сколько в итоге ставить тарелок.

— Восемь, — ответила Олеся. — Все здесь.

Тимофей вернулся последним с верхней стоянки, где оставил микроавтобус. Очки он уже отдал; гости прислали благодарность и ещё одну фотографию рыбы, которую развернули в дороге. Надя села между Нелей и Евой. Отец оказался напротив, Виктор — у прохода. Сергей устроился с краю, поближе к окну, и немного отодвинул свой стул, чтобы не задевать длинными ногами ножку стола.

Первое время разговаривал почти один Борис. Он рассказал про туриста, который приехал с тремя удочками и ни разу не вышел из домика, потому что впервые за год мог спать сколько хотел. Виктор поправил: удочек было пять, они занимали половину его машины. Неля сказала, что тот хотя бы всегда хвалил завтрак. Ева улыбалась, слушая, и пару раз посмотрела на отца так, что Надя отвела глаза.

Потом разговор дошёл до дороги. Тимофей сказал, что вода под трубой поднялась ещё, но полотно пока сухое, машины прошли. Олеся попросила утром первым делом посмотреть низину. Сергей спросил, далеко ли обход через старую делянку.

— Там лесом, — сказал Виктор. — На машине не сунешься.

— Я помню. Ходил когда-то.

— Сейчас там накат другой. После рубки ещё намешали.

Олеся положила вилку.

— Завтра собираемся и выезжаем. Без новых дел. Борис, я серьёзно.

Отец поднял ладони.

— Всё. Сдаюсь.

— Ты не сдавайся. Ты утром ключи от машины дай.

За столом стало тихо. Потом Неля засмеялась, и остальные тоже позволили себе улыбнуться. Борис вынул ключи и положил перед Олесей.

— Держи. Чтоб спала спокойно.

Олеся посмотрела на них, взяла и убрала в карман. Надя ждала, что отец добавит колкость, но он потянулся за хлебом. Сергей подвинул корзинку раньше, чем Борис попросил.

После ужина Надя принесла тубус. Разложила листы на освободившемся конце стола, прижав углы солонкой и двумя перевернутыми стаканами. Это были большие рисунки для детского центра: река с пристанью, улица с автобусной остановкой, двор, в котором можно было искать потерянные предметы. Заказчик просил сделать всё очень ярким, и она долго боролась за серое небо, потому что люди, которые будут смотреть на эти листы, тоже жили на Севере.

Отец подошёл не сразу. Сначала помог Неле унести посуду, чего обычно не делал при гостях, потом вернулся и встал у Надиного плеча.

— Это напечатали уже?

— Пробные. Большие в понедельник будут.

— А я думал, ты всё на компьютере.

— На компьютере. Потом печатают.

Он наклонился к рисунку улицы.

— Автобус на повороте не пройдёт.

Надя закрыла глаза.

— Папа.

— Что? У него зад заедет на газон.

Она хотела свернуть лист, но отец положил ладонь на его край.

— погоди. Вот этот мужик — я?

Возле пристани стоял человек в синей куртке и держал под мышкой свёрнутую сеть. Она рисовала его с фотографии, которую сделал знакомый, не спрашивая, кто попал в кадр. Но отец был похож. Или она незаметно поправила его плечи, когда прорисовывала фигуру.

— Не знаю, — сказала Надя.

— Пузо моё.

Ева, собиравшая аппаратуру возле окна, рассмеялась. Отец посмотрел на неё с довольным видом, затем снова на рисунок. Провёл пальцем по нарисованным доскам причала, не касаясь бумаги.

— Хорошо получилось, — сказал он.

Надя не подняла головы. Выпрямила угол, который завернулся под стаканом, и заметила, что всё время ждала именно этих двух слов. Обида за лодку никуда не делась. Во вторник ей придётся говорить с чужим человеком и придумывать, как вернуть своё. Но сейчас отец стоял рядом, разглядывал нарисованную реку и всё ещё держал рукой край листа, чтобы тот не свернулся.

Из кухни Олеся позвала Нелю. Сергей поднялся из-за дальнего стола и подошёл к Борису, остановившись в нескольких шагах.

— Когда закончишь, мне бы минут десять.

Отец не обернулся.

— Утром, Серёж.

— Ты утром опять будешь занят.

— Я сказал, поговорим.

Надя взяла со стола стаканы. Лист сам поднялся с одной стороны и ударил отца по запястью. Он наконец убрал руку.

Глава 3. До поворота

В половине восьмого Олеся вынула из холодильника два пакета с едой, которую Неля собрала в дорогу, и поставила у двери. Рыба Антона теперь была вчерашней. Вечером он прислал фотографию сковороды и написал, что пожарил всё; она ответила, что жареную даже больше любит. Получилось почти весело.

Ключи от внедорожника лежали в кармане брюк. За ночь Олеся проверила их дважды — не потому, что Борис мог забрать, а потому, что легко могла сама куда-нибудь переложить. У неё было множество мест, в которых находились чужие вещи. Для своих надёжного места не оставалось.

Тимофей ждал на крыльце. Увидев пакеты, взял оба.

— Ты же только посмотреть, — сказала Олеся.

— А, да. Я подумал, уже.

— Если нормально, после завтрака уеду. До этого номера проверим, и всё. Микроавтобус твой я не забираю.

— Он не мой.

— Пока возишь — твой.

Тимофей поставил еду обратно. На нём была сухая куртка, но край брюк успел намокнуть. Олеся посмотрела на ботинки: свежая глина держалась над подошвой, почти у шнурков.

— Ты уже ходил?

— К машине.

Он ступил с крыльца. На верхней стоянке грунт был засыпан щебнем; глина могла попасть откуда угодно, и Олеся перестала на неё смотреть. Села за руль Борисова внедорожника, придвинула сиденье. Тимофей пристегнулся только после того, как она повернула голову.

Они выехали по узкой дороге между ельником и молодыми берёзами. По стеклу бежали крупные капли. Дворники не столько убрали их, сколько превращали в ровную прозрачную плёнку, через которую лес казался нарисованным на мокрой бумаге. Дождь шёл с перерывами третьи сутки, но ночью стал тише. Олеся успела этому обрадоваться, пока не увидела ручей.

Вода занимала всю низину. Раньше через неё можно было проследить русло — тёмную полоску между ольхой и травой, — теперь течение угадывалось по мелким веткам, которые поворачивались перед трубой и исчезали под насыпью. Дорога оставалась сухой. На её дальней стороне из-под трубы выбивалась мутная струя.

Олеся остановилась до спуска. Тимофей дёрнул ручку.

— Сиди. Отсюда видно.

Она опустила стекло, сняла короткое видео и отправила Борису. На фотографии уровень всегда выглядел спокойнее, чем в жизни. По экрану нельзя было услышать, с каким усилием вода проходила под дорогой.

— Вчера так было?

— Ниже. Но вечером я только проехал.

— Насколько ниже?

Тимофей посмотрел на кусты.

— Вот эта развилка торчала. Наверное, сантиметров на двадцать. Я не мерил.

Олеся набрала знакомого дорожного мастера. Тот ответил быстро и сразу спросил, откуда она звонит.

— Нет, не с Онеги самой. С нашего съезда. Девятьсот метров от базы, где труба. По верху пока ничего.

Мастер попросил прислать видео ему, велел не спускаться к оголовку и сказал, что ближе к обеду пришлёт машину посмотреть. У него сейчас осматривали ещё два участка. Если начнёт

переливать, проезда не будет: на внедорожник надеяться не стоит, неизвестно, что останется под водой.

— А сейчас?

— Я по телефону тебе плотно не проверю, Олеся. Видимых провалов нет?

— Нет. И сверху сухо.

— Смотри при каждом выезде. Увидишь воду на дороге — обратно.

Она отправила запись и ещё постояла с опущенным стеклом. С той стороны подъехал белый фургон с хлебом для деревни дальше по большой дороге. Он пересёк низину и остановился рядом с внедорожником. Водитель ошибся на развилке, как бывало и раньше. Заметив Олесю, высунулся, спросил направление, сдал назад и развернулся на широком пятачке. Его колёса не оставили заметной колеи. Олеся объяснила, куда ему, и дождалась, пока фургон уедет.

— Едем, — сказала она.

— Вы же могли за ним.

— Могла. Тебя тогда с собой забрала бы.

Тимофей улыбнулся, но тут же отвёл взгляд. Она поняла, что он вполне согласился бы и что предложение прозвучало совсем не шуткой.

— Расчёт получил?

— Часть.

— Остальное?

— Борис Васильевич потом скажет.

— Почему потом?

Тимофей натянул рукав на большой палец.

— Мы ещё не всё сверили.

На обратном пути Олеся заехала передними колёсами на высокий край площадки, развернулась и поставила машину носом к выезду. Чемодан по-прежнему лежал сзади; полоска полотенца на ручке зацепилась за соседний ящик. Она открыла заднюю дверь, освободила её и заметила Тимофея, который ждал, пока можно будет закрыть. Он всё ещё придерживал дверь, хотя давно мог уйти.

— Если у тебя там что-то не сходится, разбирайтесь сейчас, — сказала она. — До отъезда.

— Да.

— Я не вместо тебя. Сам.

— Я понял.

Он наконец отпустил дверцу и пошёл к дому. Олеся позвонила Антону, не вынимая ключа из кармана, как будто это помогало говорить увереннее.

— Выеду после завтрака. Только сами дорогу ещё раз посмотрим.

— После вашего завтрака или после человеческого?

— После нашего. Это до обеда.

— Ладно. Напиши, когда уже будешь за рулём.

— Я сейчас за рулём была.

— Лесь.

— Всё, поняла.

Она хотела добавить что-нибудь про вчерашнюю рыбу, но из дома вышла Неля, держа перед собой сковороду. Увидела телефон, замерла. Олеся сказала мужу, что позвонит с дороги, и убрала аппарат.

— Что случилось?

— Вот, — Неля показала сковороду. — Ты это берёшь или я обратно ставлю? Не буду же весь день под мышкой держать.

Олеся рассмеялась. Неля удивлённо на неё посмотрела, потом тоже улыбнулась.

— В холодильник поставь. Через час заберу.

За завтраком Борис сообщил, что Петя с краном не приедет. Вчера вечером у него попросили машину в другом месте, а утром выяснилось, что работа затянется.

Виктор перестал жевать.

— Ты с ним вообще говорил?

— Только что.

— Дай номер.

— Для чего?

— Скажу, чтоб хорошо работал.

Борис положил телефон экраном вниз. Виктор посмотрел на него, отодвинул тарелку и достал свой. Пока он искал контакт, Неля убрала хлеб из-под его локтя.

Петя ответил не сразу. Виктор вышел с телефоном в коридор, но через открытую дверь было слышно, как он здоровается, затем как спрашивает: «А Боря тебе на когда сказал?» После этого Виктор замолчал надолго.

Олеся вытерла губы салфеткой.

— Борис, я уезжаю в одиннадцать. Неля со мной. Кран без нас.

— Да езжай, кто держит.

Сергей сидел напротив. Он не ел кашу, которую поставила перед ним Неля, а сосредоточенно разрезал хлеб пополам. Ева в столовой ещё не появлялась. Надя спустилась с мокрыми волосами, налила себе чай и села рядом с отцом, не глядя на него.

— Ты сегодня едешь? — спросила Олеся.

— Да. После обеда.

— Лучше с нами.

— Мне ещё вещи собрать.

— Сейчас соберёшь. Дорога хуже, чем вчера.

Надя подняла голову. Олеся показала ей утреннее видео. Борис потянулся посмотреть тоже, но дочь удержала телефон так, чтобы сначала досмотреть самой.

— Хорошо, — сказала она. — Вместе.

Виктор вернулся и сел, не придвигая тарелки.

— Во вторник ты ему сказал. На вторник. У меня сутки в приёмном, я тебе три раза объяснял.

— Я сказал: хорошо бы в пятницу.

— Борь, мне уже не интересно, что у тебя хорошо бы. Я приеду с машиной, погрузим. А сегодня ты напишешь, что лодка моя и ты её отдаёшь. Вот сейчас. Чтобы потом опять не выяснилось, что я у тебя что-то забрал.

— Я при дочери должен тебе расписку писать?

— При дочери ты особенно честный.

Надя отодвинула чашку от края. Её рука чуть дрожала, когда она ставила её на блюдце, но голос прозвучал ровно:

— Напиши, пап. Если отдаёшь.

Борис посмотрел на неё. Олеся ожидала, что сейчас начнётся привычное — сколько он всем сделал, как легко обидеть человека, — но он вдруг встал, принёс ручку и лист из принтера. Написал несколько строк, расписался. Виктор прочитал, затем показал ему место посередине.

— Номер впиши.

— Да сличи сам. В мастерской документы.

— Вот сличу и заберу.

Он положил лист во внутренний карман. Сергей отодвинул нетронутую кашу.

— Теперь со мной поговорим?

Борис сел обратно.

— Что у тебя?

— Не за столом.

— У нас тут все свои.

Сергей посмотрел на Надю. Не прося её уйти — скорее проверяя, собирается ли она. Надя взяла чашку обеими руками и осталась.

— Мне вчера Лунёв отказал, — сказал Сергей. — После твоего звонка.

Борис перестал крутить ручку.

— Я с ним неделю назад разговаривал.

— Значит, после того звонка.

— Он спросил, я ответил.

— Позвони ещё раз. Скажи, что ты неправильно понял.

Олеся подняла на Сергея глаза. Про историю с пропавшим генератором она слышала зимой. У неё тогда не работала стиральная машина, Антон монтировал новое крепление для полки, а Борис звонил долго, с остановками, и жаловался, что никому нельзя доверять. Подробности за год слиплись в одно раздражённое перечисление. Она помнила только уверенный вывод и то, как легко согласилась, чтобы закончить разговор.

— Я понял правильно, — сказал Борис. — Ты взял груз. До места не довёз.

— С кузова слетел. Я тебе заплатил за него.

— Через полгода.

— Ты ему сказал, что я украл.

На кухне перестала шуметь вода. Неля стояла у мойки спиной к дверному проёму. Олеся заметила, что она не выключила кран до конца: из него текла тонкая струйка.

Борис посмотрел на дочь, затем на Олеся.

— Ты хочешь здесь сейчас выяснять?

Сергей ничего не ответил.

— Пойдём, — сказал Борис, поднимаясь. — Поговорим.

Они ушли в его кабинет. Дверь закрылась негромко. Надя продолжала держать чашку, из которой уже допила чай.

— Я вещи собираю, — сказала она.

Олеся кивнула. Она сама охотно ушла бы собирать вещи, если бы оставалось хоть что-нибудь несложное.

К десяти перестал дождь. Небо не посветлело, но с крыши уже не лилась вода, и тишина показалась почти солнечной. Ева появилась во дворе с камерой, попросила убрать с крыльца пакеты и складную сушилку. Олеся отнесла пакеты в холодильник, сушилку сложила. Когда вернулась, Ева снимала пустую столовую.

— Надолго вам?

— Ещё кухня и снаружи. Я быстро.

— Мы уезжаем. Если что нужно снять, пока свет включён, снимайте сейчас. Домики я закрою.

Ева опустила камеру.

— А Борис Васильевич?

— Он скажет сам, когда закончит разговаривать.

В кабинете было тихо. Олеся не знала, разошлись мужчины или продолжали говорить так, чтобы их не слышали. Постучала. Борис ответил сразу, открыл дверь. Сергей стоял у окна в своей серой толстовке, держа телефон в опущенной руке.

— Ключ от мастерской дай, — сказала Олеся. — Виктор документы ждёт. И фонарь мой там заberi, пожалуйста, я в машину положу.

Борис начал искать связку по карманам.

— Сейчас сам приду. Сергею ящик отдам заодно.

Сергей убрал телефон.

— Я пойду подготовлю.

Олеся посторонилась. Когда он проходил, она почувствовала запах мятной жвачки, резкий в тёплом коридоре. Борис подошёл к умывальнику и открыл воду.

— Всё хорошо? — спросила она.

— У всех же должно быть всё хорошо, да?

— Я спросила.

Он ополоснул лицо и стал искать полотенце. Олеся показала на крючок. Полотенце висело там с весны.

В мастерской приходилось ходить боком между верстаком и сложенными ящиками. Олеся отнесла Виктору папку, которую Борис нашёл на верхней полке. Тот устроился под лодочным навесом, поставил очки на самый кончик носа и стал сличать цифры. Над ним, на сиденье лодки, оставались рабочие куртки. Две лежали комком, третью Сергей держал в руках.

— Возьму? — спросил он у Бориса.

— Бери. Только тут оставь. Ещё пригодятся.

Сергей надел куртку поверх толстовки и вернулся в мастерскую. Олеся пошла следом, за лентой. Рукава куртки оказались коротковаты, но Сергей застегнул молнию до подбородка и наклонился над железным инструментальным ящиком. Тот стоял под торцом верстака, возле боковой двери. Сергей с усилием вытащил его в проход.

— Тут не всё, — сказал он.

Борис подошёл посмотреть.

— Что брали, назад клали.

— Домкрат где?

— За лодкой. Тимоха пользовался.

Сергей распрямился. Взглянул на Олеся, будто именно она могла сейчас знать, где Тимофей. Она развела руками.

— У машины был.

На верстаке лежал длинный нож с тёмной рукоятью, перемотанной у самого лезвия чёрной лентой. Чёрную ленту Олеся с утра искала, чтобы закрепить почтовый пакет. Борис разрезал ножом спутанный шнур и отложил рядом с папкой.

— Ты что им режешь? — спросила она.

— Всё, что само не рвётся.

— Ленту верни.

Он выдвинул ящик верстака, вынул рулон и протянул. Затем снял фонарь с наружного крючка и тоже подал ей. Олеся щёлкнула кнопкой. Свет был яркий, ровный. Она выключила и засунула фонарь в большой карман дождевика.

— Номер сходится, — сказал Виктор из-под навеса. — Только ты букву вот здесь пропустил.

Борис вздохнул и пошёл к нему с ручкой. Сергей стал вытаскивать из-за лодки короткий домкрат. Подставка под ним скрипнула; Виктор немедленно поднялся.

— Не тряси. Я подержу, ты вытягивай.

Олеся собиралась вернуться к дому, когда зазвонил телефон. Это был Тимофей.

— Вы не выезжайте пока.

Она остановилась.

— Что там?

— По дороге пошло. Я у трубы. Здесь уже сверху.

— Ты на какой стороне?

— На нашей. Не поехал.

— Отойди от края. Возвращайся.

Она взглянула на часы: без четверти одиннадцать. Всего минут пятнадцать назад обещала Еве закрыть домики, выключить свет и закончить сезон. Позвонила дорожному мастеру. Он сказал, что уже получил сообщение; машина идёт к их повороту, пусть никто не пытается пройти или проехать низину.

Борис и Виктор смотрели на Олеся. Сергей вытащил домкрат, поставил на землю и тоже выпрямился.

— Дорогу переливает, — сказала она. — Смотрят с той стороны. Пока не едем.

Борис взял у Виктора папку.

— Может, минут за двадцать спадёт.

— Может. Только ты людям не обещай.

Тимофей вернулся через несколько минут. Принёс не фотографию, а видео: коричневая вода двигалась поперёк дороги, скрыв нижний край насыпи. На другом берегу ручья сквозь кусты виднелась оранжевая машина. Человек в жилете поднял обе руки, показывая ему отойти. Запись резко обрывалась на мокрой ладони.

Надя спустилась с двумя сумками. Увидела, что все стоят возле стойки, поставила их на пол.

— Что?

Олеся показала запись. Надя не стала ни спорить, ни предлагать свою машину. Только раздвинула ручки сумки, вытащила отцовскую книгу, которую хотела забрать из комнаты, и положила обратно на стойку.

— Мне матери написать?

— Напиши, что здесь сухо. И что пока ждём.

Ева прислонила футляр к стене. Неля выглянула из кухни.

— На обед, значит, восемь?

— Восемь, — ответила Олеся.

Дорожный мастер перезвонил через полчаса. Подмывало край насыпи, и никто не мог обещать восстановить проезд к вечеру. Сотрудники оставались с другой стороны. Он уточнил, сколько на базе людей, есть ли дети, тепло и связь. Олеся ответила, что восемь взрослых, жилой дом на сухом месте, продукты есть. Назвала свой номер ещё раз, затем Борисов. Мастер сказал, куда сообщать, если вода подойдёт к дому, и предупредил, что передаст сведения о базе дежурному.

— Значит, ждём? — спросила Олеся.

— Пока в доме безопаснее. К ручью больше не ходите. Мы вам скажем, что с дорогой.

Она записала фамилию человека, хотя знала её много лет, и положила лист возле телефона. Вдруг оказалось важно, чтобы позвонить могла не только она.

Борис стоял в дверях столовой. В руках держал папку Виктора и всё ту же ручку.

— Я же говорил, не надо было торопиться, — сказал он.

Олеся медленно повернулась к нему. Он увидел её лицо и поднял свободную руку.

— Лесь, я не в том смысле.

— В каком — потом объяснишь.

Она прошла мимо него на кухню. Неля стояла у холодильника и перекладывала еду из пакетов в миски. На столе остывала сковорода, которую утром выносили на крыльцо. Олеся сняла дождевик, повесила на спинку стула; фонарь тяжело стукнул о деревянную перекладину.

— Я через час собиралась забрать, — сказала она.

Неля посмотрела на неё и подвинула чистую тарелку.

— Сейчас забирай. Сядь и поешь.

Олеся села. За стеной Надя разговаривала с матерью, объясняя, что никакой воды в доме нет. Борис позвал Тимофея. Ева попросила на минуту не включать свет в коридоре — ей нужен был ещё один кадр.

Олеся взяла вилку. Перед ней лежал кусок пирога, который Неля испекла вчера к её отъезду. Края стали мягкими под крышкой. Она отломил уголок, попробовала и вдруг поняла, что голодна.

Глава 4. Пятый номер

Надя сняла со стены картину, которую сама когда-то сюда повесила. За рамой остался светлый прямоугольник. Гвоздь входил в обои криво, и, пока она раскачивала его пальцами, от двери послышался голос Евы:

— Я помешаю?

Надя обернулась. Ева стояла в дверях пятого номера с камерой на ремне. Из всех комнат она ещё не сняла эту: вещи Нади лежали на обеих кроватях, на спинке стула сохли джинсы.

— Мне убрать?

— Не надо. Я потом могу.

— Вы так никогда не закончите.

Надя положила картину на одну кровать, собрала одежду с другой. Оказалось, что убрать своё из комнаты довольно легко. Гораздо дольше приходилось решать, что именно она считала своим: рисунок, кривую полку, маленькое пятно на обоях, которое оставила свеча в последний школьный Новый год. На фотографии для покупателя ничего этого не будет видно.

Ева переставила штатив, заглянула в видоискатель и поморщилась. Подошла к окну, отвела край шторы.

— Можно без люстры? На минуту.

Надя выключила свет. Комната посерела, но светлые покрывала будто приподнялись над кроватями. Ева сделала несколько кадров, затем отступила в коридор. Надя стояла у окна с пачкой белья в руках и ждала, когда можно будет шевелиться.

— Вы не попадаете, — сказала Ева. — Можете ходить.

— А я стараюсь.

Ева улыбнулась. Надя положила бельё в сумку и заглянула в экран камеры, когда та повернула его к себе. На снимке комната казалась длиннее. За окном вместо дождя было белое пятно.

— Красиво у нас, оказывается.

— И без камеры красиво.

— Только маленькое.

— Вот с этой точки меньше тянет края. Смотрите.

Ева встала у косяка, сделала ещё кадр и показала его Наде. Кровати стали похожи на настоящие. Светлый прямоугольник за снятой картиной тоже оказался в кадре.

— Это можно убрать? — спросила Надя.

— Можно. А зачем? Здесь же что-нибудь снова повесят.

Надя взяла раму с кровати и перевернула. На обороте было написано карандашом: «Боре от самой любимой дочери». Она показала надпись Еве.

— У него других нет. Так что конкурировать было не с кем.

Ева засмеялась. Надя почувствовала облегчение, короткое и неловкое: оказалось, этой женщине можно показать смешную вещь, не уступив ей ничего важного.

— Хотите, я её сниму отдельно? Для вас.

— Не надо. Я увезу.

Она поставила раму к сумке. Ева убрала камеру и стала складывать штатив. Внизу что-то тяжело ударило о пол, раздался голос Виктора. Слов Надя не разобрала, зато отцовский ответ услышала отчётливо:

— Ты теперь каждую деревяшку с собой заберёшь?

— Я ещё ничего не забрал, Боря.

Надя взяла сумку и шагнула к двери, но Ева не сразу освободила ей проход. Застёжка штатива заела; женщина нажала на неё большим пальцем, выругалась тихо и наконец сложила последнюю ножку.

— Простите.

Они спустились вместе. В коридоре Виктор держал потемневшую доску с вырезанной надписью. Прежде она висела у воды, над лавкой. Надя помнила, как отец перекрашивал буквы, вытаскивая кисточкой сор из углублений. Теперь доска лежала среди вещей, которые Ева попросила убрать из кадра.

— Это я резал, — сказал Виктор, увидев Надю. — Вон на обратной стороне зарубка. Когда струбцину сорвало.

— Забирайте.

Борис резко повернулся к ней.

— Тут что, бесплатная раздача началась?

— Она в куче лежала.

— Я не про доску.

— Тогда про что?

Он посмотрел на картину в её руках и отвернулся. Виктор прислонил свою доску к стене.

— Лодку твою вижу третий год, расписку сегодня получил, — сказал он. — Только ты опять скажешь, что ничего не было. Как с домом. Я тебя знаю.

— Витя, я не собираюсь при всех.

— А я при всех собираюсь. Может, хоть так до тебя дойдёт. Если ещё раз выяснится, что ты за меня что-то решил, я уж молчать не буду. Пусть твои покупатели знают, с кем связываются.

Он вышел на крыльцо без доски. Дверь за ним ударила в упор и отскочила; Ева поймала её за ручку. С улицы потянуло холодом.

Надя думала, отец бросится следом. Вместо этого он подошёл к прислонённой доске и провёл ладонью по мокрому краю.

— Всё равно погниёт у него на балконе.

— Отдай, — сказала она. — Если резал он.

— Да забирайте всё. Разрушайте, чего там.

Он ушёл в кабинет. На пороге остановился, посмотрел на Еву, будто ждал, что она пойдёт с ним. Ева сняла с плеча сумку и положила на стойку.

Надя подняла свои вещи наверх. Картину поставила у тубуса. Теперь обе кровати опять были заняты, хотя утром она так тщательно всё собрала.

До вечера оставалось несколько часов, и их пришлось чем-то заполнить. Она позвонила заказчице, перенесла короткую встречу на понедельник и спросила, дошли ли правки для печати. Выслушала длинное объяснение про женщину из администрации детского центра, которая хотела сделать автобус красным. Сказала, что красный автобус изменит весь угол рисунка. Ей ответили: «Ну вы же художник, придумайте». Надя закрыла глаза, слушая, и вдруг почувствовала, как хочется оказаться сейчас возле любого настоящего автобуса — даже красного, даже такого, который поворачивает неправильно, — и просто уехать.

Потом помогла Неле разобрать чистое бельё. Они сидели на кухне, где после утренней суеты стало тесно от вынутых обратно вещей. В холодильник уже не помещалась кастрюля, на столе лежали хлеб, банки и чьи-то перчатки. Надя складывала наволочки: сперва пополам, потом ещё раз, выравнивая шов по краю.

— Я хотела спросить, — сказала она.

Неля не подняла головы.

— Про больницу?

— Да.

— Теперь уже ничего. Долго тянула, вот и попала. Операцию сделали. Работаю.

— Отец знал?

— Он меня и отвёз. Не надо сразу так смотреть.

Надя поправила угол наволочки.

— Как?

— Будто он один во всём виноват. Я ему сама сказала тебе не звонить. Что бы ты сделала?

Сорвалась, приехала и сидела в коридоре.

— Могла бы.

— Могла. Только я не хотела.

На этот ответ было нечего возразить. Надя сложила ещё одну наволочку. Неля взяла её из общей стопки, расправила и сложила по-другому, чтобы совпал размер.

— Всё равно надо было сказать.

— Я потом скажу, когда мне удобнее было лежать в больнице.

Надя невольно улыбнулась. Неля подвинула ей кружку, из которой сама ещё не пила, и встала проверить духовку.

На подоконнике зазвонил телефон. Неля взглянула на экран, вытерла руки и вышла с ним в коридор. Говорила негромко, но одно и то же слово прозвучало несколько раз: «Сегодня». Потом она вернулась, потянулась к кружке перед Надей и остановила руку.

— Я новую налью, — сказала она.

— Что-то случилось?

— Нет. Давай эти наверх унесём.

Надя подняла стопку белья. В коридоре прошёл Сергей — уже без синей куртки, в серой толстовке, с длинным свёрнутым ремнём в руке. Он остановился у окна, пропуская их, и Надя увидела у него на большом пальце тёмную полоску масла.

— Бориса не видели?

— В мастерской был, — сказала Неля.

— Понял.

Он вышел во двор. Надя хотела спросить, чем закончился утренний разговор, но Неля уже толкала плечом дверь кладовой. Пришлось перехватить бельё и помочь.

Около четырёх дождь снова усилился. Вода бежала с крыши длинными косыми нитями и разбивалась о перила, которые отец обещал заменить ещё в прошлом году. Олеся разговаривала по телефону у стойки. По обрывкам Надя поняла, что на сегодня проезда уже не будет. С той стороны продолжали смотреть насыпь, к воде в низине их опять просили не приближаться. Дом оставался сухим; Олеся подтвердила это дважды и записала время следующего звонка.

Надя вернулась в номер и начала править автобус. На ноутбуке всё сразу стало маленьким: улица, остановка, люди под серым небом. Она увеличила рисунок, перекрасила борт и отодвинулась. Красный оказался не таким уж плохим. Это почему-то рассердило сильнее, чем просьба заказчицы.

Отец постучал, когда она искала нужный оттенок для крыши.

— Можно?

— Да.

Он принёс плоскую папку и положил на свободный край кровати. Из неё торчал угол жёлтой фотографии. Надя узнала снимок: она маленькая, по грудь в слишком большом спасательном жилете, мать держит её за воротник, отец стоит за камерой. Она помнила не этот день, а то, как много раз они смотрели снимок.

— Это тоже забирай, — сказал он.

— Мне не всё нужно.

— Знаю.

Надя закрыла ноутбук. Отец сел на самый край кровати, уперев ладони в колени. На рукаве свитера тянулась светлая нитка, зацепившаяся за что-то острое. Она потянулась убрать, но он дёрнул сам и оборвал.

— Про лодку я поговорю, — сказал он. — Вернём.

— Я уже договорилась на вторник.

— Я раньше могу.

— Пап, пожалуйста. Дай мне самой.

Он кивнул, но лицо стало закрытым.

— Теперь и помочь нельзя.

— Можно. Только сначала спроси.

Надя сама удивилась, как устало это прозвучало. Она не хотела ещё одного разговора, в котором придётся объяснять самое простое и потом жалеть его за то, что он не сумел понять. Подвинула папку к себе.

— Спасибо за фотографии.

— Там ещё твои листы. Ранние. Мать складывала.

— А у тебя какие-нибудь останутся?

Отец посмотрел на неё внимательнее.

— Да у меня полно. В кабинете вон твоя лодка висит. Я тебе её не отдам, сразу говорю.

Она улыбнулась. Он увидел улыбку и оживился, начал рассказывать, как в типографии тогда придумали повернуть рисунок. Надя знала эту историю с другой стороны: отец по телефону убеждал её не упрямиться, потому что люди лучше понимают, как делать вывески. Теперь главным упрямцем в его рассказе был он сам.

Она не стала поправлять. Только спросила:

— Ты Еве заплатил?

Отец замолчал.

— Мы разберёмся.

— Там много работы. Я видела.

— Я понял.

Он встал, поправил папку, которая и так ровно лежала на кровати, и пошёл к двери. Надя окликнула его:

— Пап.

Он обернулся.

— Ничего. Я потом спущусь.

Она сама не знала, что хотела сказать. Наверное, попросить не продавать. Или признаться, что это уже не поможет: даже если отец передумает, она не сможет снова стать человеком, которому достаточно приехать сюда на всё лето.

— Спускайся, — сказал он. — К ужину приходи. Неля старается.

Надя вернулась к ноутбуку. Из коридора было слышно, как отец разговаривает с Олесей о лампе в мастерской. Та ответила, что фонарь в её дождевике, на кухонном стуле; потом сама позвала его обратно. Шаги остановились.

— Вот. Только верни. Я с ним ещё в машину пойду.

— Куда он денется.

Дверь внизу закрылась. Надя посмотрела на часы: пять минут шестого. Вскоре Неля поднялась за дополнительными полотенцами, сунула голову в номер и спросила, не мерзнет ли она. Надя сказала, что всё хорошо, и снова принялась за рисунок.

Работа занимала руки, но внимание всё время оставалось за дверью. Кто-то прошёл по коридору, остановился у лестницы и спустился; со стороны двора донёсся металлический удар. Отец говорил с женщиной. Надя не разобрала слов, только интонацию: так они говорили, когда

уже переставали надеяться, что их правильно поймут. Она закрыла ноутбук. Посидела, прислушиваясь, но голоса стихли.

Телефон завибрировал: заказчица просила прислать вариант с автобусом, если готов. Надя отправила картинку, получила три восклицательных знака и спустилась вниз.

На кухне никого не было. Духовка работала, на плите стояла кастрюля под крышкой. Олеся в столовой раскладывала ложки. Ева стояла у заднего окна, протирая камеру тканью. Надя остановилась возле неё.

— Вы отца видели?

— Только что. Внизу, возле навеса.

— Он с кем-то был?

Ева подняла голову.

— Не заметила. Мне показалось, один.

— Опять поругались с Виктором.

— Я не слышала.

Ева отвернулась к футляру. Надя поняла, что никакого разговора не получится. Взяла с вешалки куртку, застегнула не до конца и вышла.

На дорожке было скользко. Она шла медленно, ставя подошву на ребро поперечных планок. Мастерская стояла почти под самым навесом: дверь с красным облупленным косяком, окно, загороженное досками. Отец обычно оставлял дверь открытой, если работал внутри. Теперь она была прикрыта.

— Пап?

Надя нажала на ручку. Дверь подалась легко. Внутри было темно, но не настолько, чтобы ничего не видеть. Серый свет из окна ложился на пол между верстаком и ящиками. В этот узкий светлый проход не помещались отцовские ноги.

Он лежал на спине, повернув голову к стене. Одна рука была поджата, другая вытянута в сторону, ладонью вверх. Сначала Надя увидела только ладонь и чёрный ноготь. Шагнула через порог, позвала ещё раз.

Отец не повернулся.

Она присела, схватила его за плечо. Под пальцами свитер оказался мокрым и тёплым. Надя отдернула руку, посмотрела на неё, затем снова на отца. На сером свитере темнело пятно, уже спустившееся к поясу. Под левым боком на досках лежала кровь.

— Папа.

Она произнесла это тихо, почти сердито. Он не мог лежать вот так, на грязном полу, пока наверху его ждали к ужину и его фотографии оставались у неё на кровати. Надя потянула его за рукав, будто собиралась помочь подняться.

Голова качнулась вместе с телом.

Надя вскочила, ударила плечом о дверной косяк и закричала. Первый крик сорвался, вышел хриплым. Тогда она вдохнула и позвала Олесю — по имени, без всяких слов, которые могли бы объяснить, что нужно сделать.

Глава 5. Пока делают

Олеся уронила ложки на стол. Крик пришёл со стороны воды, высокий, чужой; лишь когда он повторился, она узнала своё имя.

Выбежала без дождевика. На крыльце чуть не столкнулась с Тимофеем, который поднимался от боковой стены дома. Он обернулся раньше, чем она успела спросить. Внизу, возле мастерской, стояла Надя и держалась за косяк.

— Виктора зови! — крикнула Олеся Тимофею.

Она ещё не знала, зачем нужен именно он. Увидела Надины руки, красные до запястий, и побежала быстрее, придерживаясь ладонью за мокрые перила. В занозах осталась кожа, но боли она не почувствовала.

Надя отступила, пропуская её, и показала внутрь.

Борис лежал там, где утром они переступали через ящик Сергея. На полу возле левого плеча растекалась тёмная лужа. Олеся присела, позвала его, коснулась лица. Взгляд не изменился. Свитер был прорван на груди слева. Рядом валялась отвёртка с зелёной ручкой, и почему-то именно она — обыкновенная, домашняя, с потёртым концом — помогла Олеся понять, что всё это происходит здесь.

— Звони сто двенадцать, — сказала она.

Надя смотрела на неё.

— Телефон где?

Та вынула аппарат, но не смогла провести пальцем по экрану. Олеся достала свой, набрала номер и включила громкую связь. Ответ прозвучал почти сразу.

— Мужчина ранен. Без сознания. База на Онеге, выше Порога. Съезд с большой дороги...

Она назвала место так, как называла его утром дорожнику, потом заставила себя добавить ближайший населённый пункт и ориентир на большой дороге. Голос спросил о дыхании. Олеся наклонилась к лицу Бориса. Не было ни привычного тёплого выдоха, ни движения груди. Надя говорила рядом: «Он только что, я с ним только что».

— Не дышит, — сказала Олеся.

— Подвинься.

Виктор опустился на колени с другой стороны. Олеся не услышала, как он прибежал. Он открыл Борису дыхательные пути, проверил дыхание и пульс на шее, попросил Надю отойти к двери. Голос стал совсем другим: негромким и таким определённым, что Олеся сразу освободила ему место.

— Я врач, — сказал он в сторону телефона. — Рогожин Виктор Павлович. Нужна бригада. Мы начинаем.

В дверях появилась Неля с домашней аптечкой. Виктор велел Тимофею принести ещё водительскую, Олеся показал, где прижать рану. Она натянула протянутые Нелей перчатки, приложила сложенный перевязочный материал. Виктор освободил место для рук на груди и сразу начал помощь. Не отпуская ткань, Олеся передала диспетчеру, что автомобильный подъезд перекрыт водой. Торопилась, сбивалась на уже сообщённое; мужчина в трубке остановил её и попросил повторить номер. В следующий миг связь перевели, пришлось снова назвать место и состояние Бориса.

Виктор уже работал. Когда он нажимал на грудь, голова Бориса чуть двигалась на полу, и Олеся всё время ждала, что тот откроет глаза. Надя сделала шаг к нему, но Виктор, не поднимая головы, сказал:

— Свет держи. Вот сюда. Не на лицо мне.

Она включила фонарик на телефоне и вытянула руку. Свет прыгал, бил в верстак, возвращался к отцовскому свитеру. Олеся попросила её присесть и опереться локтем на колено. Надя присела. Луч остановился.

Тимофей принёс водительскую аптечку, положил на край верстака и отодвинул к стене два пустых ящика, освобождая место возле Бориса. Пакеты рвались с громким сухим треском. Неля нашла ножницы, помогла убрать мешавшую ткань свитера. Надя отвернулась, но продолжала держать свет.

Виктор приказал Тимофею сменить его, показал положение рук и остался у головы Бориса. Пользовался маской для искусственного дыхания из аптечки. Когда Тимофей сбился, исправил его двумя словами. Олеся слышала счёт, своё дыхание и шум дождя, который снова забивал по крыше. Все прочие звуки потеряли значение.

Сергей появился снаружи без куртки. Встал у порога, посмотрел на пол.

— Что нужно?

— Подготовься сменить, — сказал Виктор. — Здесь встань. Не толпитесь в проходе.

Сергей снял толстовку, бросил на ящик у стены. Под ней была тёмная футболка. Он опустился рядом с Тимофеем и подождал команды. Неля вышла, чтобы освободить место; Олеся услышала, как она зовёт Еву.

Телефон лежал на верстаке. Медицинский работник на другом конце уточнял, сколько времени прошло с обнаружения, была ли реакция, есть ли на базе оборудование для реанимации. Виктор отвечал коротко. Олеся смотрела на часы вызова: семнадцать тридцать шесть. Эта цифра держалась перед глазами, хотя экран уже погас. Время до звонка сделалось чужим. Она не могла вспомнить, сколько ложек успела разложить и зачем вообще делала это одна.

В дверь постучали.

Неля, даже сейчас, постучала перед тем, как войти с аккумуляторной рабочей лампой из хозяйственного шкафа. Ева помогла поставить её на высокую полку; свет залил мастерскую, выхватил руки, раскрытые аптечки, мокрые следы возле порога. Надя опустила телефон.

— Лесь, я подержу, — сказала Неля.

Олеся посмотрела на неё, не сразу поняв, что речь о её руках. Пальцы затекли, она давила ими через сложенный материал и не знала, насколько сильно. Неля надела перчатки из открытой упаковки, осторожно сменила её. Олеся сняла свои, отошла к двери. Колени плохо разгибались.

Надя была рядом.

— Он же не может просто...

— Они делают, — ответила Олеся.

Это были единственные слова, которые она могла сказать. Пока кто-то считал, пока Тимофей и Сергей менялись местами, пока Виктор проверял и снова продолжал, им не приходилось принимать ничего другого.

Олеся подняла свой телефон. От Антона было два сообщения. Первое — давнее: «Ну как вы?» Второе пришло только что: «Набери, когда сможешь». Она открыла поле ответа и не смогла подобрать даже первого слова. Закрывает переписку, положила телефон обратно. Медицинский работник уже оставил номер для связи с бригадой; диспетчер сообщил, что проезд уточняют совместно со спасателями. Никто не назвал времени, которое можно было бы выдержать, глядя на часы.

Сергей поднялся после очередной смены. Пот стекал по виску. Он обтёр лицо предплечьем, сделал шаг к двери.

— Я сухое принесу. Тут под навесом есть.

Виктор посмотрел на него.

— Неля принесёт. Ты нужен здесь.

— Я быстро.

— Сергей. Через минуту смена.

Тот остановился у косяка. Олеся видела, как он смотрит во двор, на край лодочного навеса, потом возвращается. Она натянула следующую пару перчаток и сменила Нелю возле раны. Ей хотелось тоже делать что-нибудь такое, что можно продолжать, пока есть силы.

Неля вышла и вскоре вернулась с чистой простыней из дома. Положила свёрнутую ткань на полку, подальше от открытых пачек, снова сменила Олеся. Ева осталась у порога, придерживая дверь, которую тянул ветер. Когда Олеся подняла на неё глаза, та спросила губами, без звука. Олеся покачала головой — не в ответ, а потому, что ответа у неё не было.

Стало холодно. Дверь оставалась открытой, люди входили и выходили, и никто не подумал взять куртку. Сняв перчатки, Олеся подняла свою правую руку. На основании ладони под кровью проступала длинная ссадина от перил. Она не помнила, чья это кровь и сколько времени её собственная рука выглядела так.

Виктор попросил телефон. Говорил с врачом бригады, представлялся снова. Олеся услышала: больше сорока минут; самостоятельное дыхание и кровообращение не восстанавливались. Он отвечал на вопросы о повторных проверках, о ране. Ответов из трубки было не разобъяснить. Виктор стоял на коленях возле Бориса, слушал, потом коротко ответил:

— Понял. Я здесь.

Положил телефон, ещё раз осмотрел Бориса. Сергей в этот момент сменял Тимофея. Олеся следила за их руками. У одного дрожал большой палец, у другого всё плечо; третий человек двигался под ними, но сам не делал ни одного движения.

Когда Виктор сказал остановиться, Олеся сначала решила, что нужна следующая смена.

Он ещё раз проверил Бориса и остался сидеть на полу. Дождь по крыше вдруг стал оглушительным.

— Витя? — сказала Неля.

Он посмотрел на неё, потом на Надю.

— Мы не смогли.

Надя шагнула вперёд. Олеся тоже встала, задела коленом ящик. По полу покатился маленький металлический уголок. Он остановился у сапога Сергея.

— Продолжайте, — сказала Надя.

Виктор поднял голову.

— Надюш...

— Вы почему сидите? Продолжайте.

Она опустилась возле отца, потянулась к его груди. Виктор перехватил её руки, не сразу — дал коснуться, потом отвёл. Надя рванулась всем телом, и он болезненно поморщился, но не отпустил.

— Уйдите, я сама.

Олеся села рядом и обняла её поперёк плеч. Надя стала вырываться уже из двух пар рук. Олеся боялась сделать больно, боялась прижать слишком слабо, боялась посмотреть на Бориса. Ей хотелось, чтобы Виктор снова начал считать. Чтобы кто-нибудь сказал, что это короткая пауза, после которой всё возобновится.

Вместо этого он тихо сказал:

— Надя, он умер.

Она перестала двигаться так резко, что Олеся едва не повалилась вместе с ней. Виктор разжал пальцы. Надя потёрла запястье большим пальцем другой руки.

— Не трогайте меня, — сказала Надя.

Олеся убрала руки. Надя села на пятки. Смотрела не на отца, а на пустое место возле его плеча, где раньше лежала отвёртка: её отодвинули, освобождая проход.

Виктор попросил простыню. Ева подала с полки. Он накрыл Бориса, оставив лицо открытым, и медленно поднялся, опираясь на верстак. На часах было восемнадцать двадцать четыре.

Олеся снова увидела перед собой время первого вызова — семнадцать тридцать шесть. Она не могла вместить между этими цифрами всё, что только что произошло.

Тимофей стоял возле двери и плакал, не вытирая лица. Сергей натянул толстовку, промахнулся рукой мимо рукава и начал сначала. Неля собирала упаковки в пакет, потом остановилась и положила его на пол. Никто не знал, что теперь можно трогать.

Олеся наклонилась к Наде.

— Пойдём наверх.

— Я здесь.

— Ты замёрзла.

— Я здесь останусь.

Олеся села на ящик возле неё. Неля вышла за куртками. Виктор взял телефон, сообщил о результате помощи и попросил соединить его с теми, кто отвечает за выезд. Теперь в его голосе появилась усталость, которой прежде не было слышно даже в перерывах.

Олеся посмотрела на раскрытый свитер, край которого оставался виден из-под ткани. На ней самой тоже была кровь: на пальцах, на манжете, выше локтя. Она потерла сухое место на рукаве и поняла, что всё это время ни разу не спросила, как Борис оказался на полу.

— Витя, это что? — сказала она.

Он повернулся.

— Рана. Колотая, похоже. Точнее пусть уже...

Он не договорил и посмотрел на Надю. Та подняла голову.

— Нож?

Виктор помолчал.

— Похоже на ножевую. Я не видел, чем это сделали.

Олеся оглянулась на пол, потом на верстак. Отвёртка лежала у стены, рядом стояла банка с шурупами. Рулона её ленты не было — он остался наверху. Ножа, которым Борис утром резал шнур, она тоже не увидела.

Надя медленно встала.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.